

Александр Зорич

Ноги Эда Лимонова

*Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)*

Александр Зорич
Ноги Эда Лимонова

«Автор»

2007

Зорич А.

Ноги Эда Лимонова / А. Зорич — «Автор», 2007

Эд, Эдик, Эдуард Лимонов, он же Эдуард Вениаминович Савенко – мой земляк, великий русский писатель. В лице Лимонова русская культура получила литературную звезду первой величины. И если (уж конечно!) найдутся желающие оспорить это утверждение, то одна из бесспорных заслуг Лимонова – живой портрет русского города Харькова 1950–1960-х годов. Для меня Харьков пропитан, наполнен, «обжит» Лимоновым. Сам умный и беспощадный, Лимонов нашел для своего (и моего) города умные и беспощадные – а значит, точные, подлинные – слова. А любое слово, плотно пригнанное по месту в системе координат истины, несет в себе силу, заряжено колдовским магнетизмом, лучится магией. А теперь давайте представим, что произойдет с человеком, родившимся в русской провинции и живущим в современной Москве, если он попадет во власть магии Эда Лимонова. Ведь и сам Харьков-город, и симпатичная женщина-харьковчанка вдруг станут для нашего москвича чем-то большим, чем просто город и просто женщина... Что стрясется с нашим героем, когда он, влекомый магнетизмом романов «Подросток Савенко», «Молодой негодяй», «У нас была великая эпоха», сядет на поезд «Москва-Харьков», чтобы пройти теми улицами, по которым полвека назад вышагивал Эд Лимонов? Ждет ли его хоть что-то, кроме разочарований?

© Зорич А., 2007

© Автор, 2007

Александр Зорич

Ноги Эда Лимонова

рассказ

Мелькание неопрятных зданий наконец растаяло и железнодорожная колея ручьем вкатилась в бетонные берега вокзала.

«Харьков...» – пророкотал плотный бородавчатый пассажир. Многозначительно посмотрел на Ивана. Тот рассеянно кивнул в ответ.

Как и его сосед, Иван уже минут двадцать стоял наизготовку возле высокой хромированной цистерны с кипятком, поближе к выходу. Хотелось первым покинуть жарко натопленный, мучительно человечный купейный вагон.

Сумка с вещами стояла у ног этак бочком, чтобы никому не мешать. Иван был одержим идеей никому не мешать.

Стоило вагону, дрогнув в последней стальной конвульсии, замереть, как Иван бросился вслед проводнице в ладной фирменной шинели и мышастой шляпе-таблетке.

Та, выставив изрядный круп, долго возилась с дверью. Шипя, заклинала она ступени, которым назначено было выпадать на перрон. Сзади доносился ропот, различалось визгливое «в конце-то концов!»

Иван прожужжал zipperом зимней куртки, негигиенично отер со лба пот вязаной шапочкой.

Он успел рассмотреть все трещины на перроне внизу (эта – как бассейн Амазонки, а вон та – Нил), меж тем проводница все возилась. От железнодорожной колеи исходил бездомный запах одиночества – запах гудрона.

Вот тут-то и застигнул Ивана врасплох знакомый бес сомнений. Привычно вцепился в нежные Ивановы чувствилища – «да стоило ли ехать!», «вот же глупая затея!»

Но вскоре Иван все-таки выскользнул и, широко ступая длинными своими ногами, зашагал, сквозь вокзальный гомон, к подземному переходу.

Он обгонял бабулек с колесными тачками, перехожих теток с забранными в блестящие коконы упаковочной бумаги сервизами, отвратительными, в стиле гламурный китч, торговков, воздевающих к окнам купе своих мутантов – плюшевых слонов и крокодилов, опережал таких же как он пассажиров московского поезда – последние выделялись из толпы повышенной добротностью чемоданов и отрешенно-приветливым, подчеркнуто городским выражением лиц. Теперь Иван улыбался.

Отрезвляюще-свежий ветер хлестал по щекам, впитывал поездной жар и уносил сомнения.

«Хорошо здесь...» – произнес он одними губами. И вступил под римскую сень вокзальной колоннады.

Он кое-как полюбовался видом привокзальной площади, выполненной в восточноевропейском понимании приставки «евро-». И зашагал к группке таксистов – те, словно пингвины, образовывали колонию на маргиналии привокзальной площади.

«Мне нужна такая гостиница... чтобы в центре, но не очень дорогая,» – сказал Иван водителю, который перетапывался на отдалении от своих и был ошутимо старше товарищей. Людям в возрасте Иван, как и многие юноши, выросшие исключительно на книгах, доверял больше, нежели молодым.

«Сделаем!» – заверил таксист.

Иван растерянно улыбнулся. Он был почему-то уверен, что ему ответят на украинском.

«Вот интересно, вы телевизор смотрите? Случайно не знаете такую журналистку телевизионную – Людмилу Андраш?» – подмывало спросить Ивана.

С зажатой между ляжек бутылкой вина, чья пьяная горечь восстановлена была из болгарского винного концентрата, Иван казался себе лермонтовским героем – неприкайнным посланцем романтических небес на медленной, косной земле.

Иван устроился на подоконнике своего номера, что был на пятом этаже, и вновь, любовно и медленно, как дитя перебирает драгоценные пустяковины из своей тайной сокровищницы, принялся выкладывать перед собой бисер событий, приведших его в этот убогий, для проходимцев, не для влюбленных созданный, номер гостиницы. Гостиница между тем оказалась городу тезкой.

Луч мягкого света выхватил из сумерек бывшего ресторан «Суаре», что на станции метро «Маяковская».

Северо-Западная Страховая Компания, где уже три года служил специалистом по базам данных Иван, снимала там банкетный зал – отмечали вручение премии «Агент Года». Соседний зал, всего их было три, арендовала радиостанция, у тех был день рождения. В третьем зале, с тамадой, под ритмичную глоссологию Сердючки, провожали на пенсию знатного милиционера.

Курительный салон, который язык не поворачивался назвать «курилкой» – столь величаво льнули друг к дружке его обитые шелком кушетки и бронзовели пепельницы – был один на всех.

Иван, хоть и не курил, любил места, где курят. Его не раздражал запах, даже нравился. Там шутили, секретничали – словом, атмосфера. Собираясь на парти, Иван всегда брал с собой зажигалку, ведь в курилке ее всегда спрашивают.

Вот и Людмила спросила.

Она сразу понравилась ему тем, что казалась похожей на него самого – дичилась, бравировала своей принадлежностью к классу, который в статусные заведения вроде «Суаре» ходит только по служебной линии. Ее ладное тело, как и тело Ивана, тоже не знало толком, как бы посподручнее на красивой кушетке усесться, она так же сконфуженно медлила, решая с какой именно силою вежливой приязни следует ответить подошедшему официанту, в интонациях которого не разберешься – не то заискивание, не то глумливое презрение. Они разговорились. Выяснилось, она из Харькова.

– Я наверное очень смешная, как все провинциалки!

– Смешная. Но в хорошем смысле, – заметил Иван. О том, что сам он из Мурманска, что вначале поступил на мехмат, а потом остался, ну то есть как все, Иван почему-то не сказал.

Они весело маялись в ресторанном фойе. Там было сравнительно тихо и очень культурно: финиковые пальмы в кадках удваивали мраморные зеркала пола, стены расчерчивали высокие пилястры, много темного дерева и капризно-чувственной живописи – интерьер струился в лучших традициях ар-деко.

Он предложил Людмиле свой пиджак – девушка трогательно зябла в своем модно-рваном-мятом, подчеркнута бутиковым платьице на бретельках.

Она разминала ему плечи, говорила что работает тележурналистом, но в прошлом году окончила курсы массажа. Уверяла Ивана, что боль в суставе от переохлаждения.

Потом они ходили наверх танцевать, хотя Иван не умел. Кое-как целовались.

Несколько раз Людмила, испросив у Ивана извинений, бегала к своим приятелям с радиостанции – лохматым, с клубной белизной лиц, диджеям и их повсеместно пропирсингованным подружкам. И тогда Иван нехотя возвращался к своим, галстучно-пиджачным, там кое-где уже гулял матерок попеременно с профессиональными «бордеро» и «каска»... Иван был уверен, его отсутствия никто не заметит, но все равно ходил, «для соблюдения протокола».

Всякий раз они соединялись на нейтральной территории.

Около десяти народ начал расходиться. Четверо несли к машине тело лауреата. На сей раз агентом года оказался старый знакомец Ивана по байдарочным походам по кличке Барбос. Галстук безвольно свешивался с ожиревшей за годы безупречного автострахования складчатой барбосей шеи.

В вестибюле гуляли лютые февральские сквозняки. Становилось неуютно.

– Может, поедем ко мне? Так сказать, продолжение банкета? – предложил Иван, лихорадочно соображая, убрана ли постель и осталось ли съестное в холодильнике.

– Я бы рада... Но у меня поезд в двадцать три пятьдесят пять, – сказала Людмила, жалостно сдвинув брови.

– Что ж...

– Вы не подумайте, Иван, что это предлог! Хотите покажу билеты?

– Если это действительно не предлог, билеты можно сдать, – настаивал Иван.

– Иван... Ну честно... Не могу... Лучше вы ко мне приезжайте. В Харьков, – с классической провинциальной сердечностью произнесла Людмила.

– Что если приеду?

– А то и приезжайте! Seriously!

– Тогда адрес пишите. И мыло.

К великому изумлению Ивана, она тотчас от руки написала адрес на подвернувшейся под руку картонке (памятка ресторана «Суаре»). И телефон (он же факс). И мобильный. Напоследок, поразмыслив, добавила адрес электронной почты. «Людмила Андраш, тележурналист».

Потом Иван много раз спрашивал себя, отчего Людмила не дала свою визитку. Ведь наверняка у нее есть, телекомпании обычно делают для всех сотрудников разом, и довольно приличные. Может, с собой не было?

В душе он сразу решил что поедет. С каждым днем эта уверенность крепла. И однажды украинская девушка Людмила окончательно превратилась для него в желанный символ некоего простого, теплого на ощупь, мира, где вдоволь еды и любви, где бедный комфорт доступен всякому, где шутки просты, а духовность – это не осиянная восковыми свечами всенощная и не предстояние бездне, а нечто сродни умению различать сорта пива и в дождь не позабыть зонт. Украина ассоциировалась у Ивана с кнедликовым, задорно пукающим и отрыгивающим мирком солдата Швейка, с олд мэри ингландом хоббитов, это как попасть в передачу вроде «Готовим вкусно» с правом оставаться там, пока не наскучит. В родном Ивану Мурманске все было не так. Да и в Москве, стальной, необъятной, тоже.

Но бесенок-критикан глумился над идеей харьковской поездки. Не верил Людмиле. «Написала адрес, дурында, а теперь, небось, жалеет...»

Иван рассказал о новом знакомстве товарищу. Раньше тот работал в Компании, в соседней выгородке, теперь же трудился сетевым администратором в Олимпийском комитете.

Товарищ слыл донжуаном или, как сказали бы встарь, во времена Островского, ферлакуром – это слово очень нравилось Ивану. В подпитии рассказывал всякое, хвалился даже совокуплением с командой по синхронному плаванию во время каких-то там отборочных, что ли, соревнований, где он заведовал компьютерной частью.

– Как думаешь, ехать в Харьков?

– Палюбас! – заверил Ивана распаленный хмелем товарищ. – Клиентка, по ходу, в готовности! Адрес вон написала, чтоб не заблудился.

– И что?

– Ну, приедешь. Позвонишь. Скажешь, что в Харькове по делам, чтоб не воображала себе, ну ты понимаешь... Дальше – как обычно с этими... женщинами...

С притворной непринужденностью Иван кивнул. Он не сказал товарищу, что женщин у него никогда не было.

Когда бутыль со сладковатым пойлом опустела, Иван наконец-то решился Людмиле позвонить. Суставчатые, будто сработанные природой из особой разновидности розового бамбука пальцы Ивана предательски дрожали.

А что если ответит мужской голос?

Или телефон она дала неправильный?

Не ждет? Занята? Была пьяна тогда?

Спросит, отчего он не предупредил ее хотя бы за день по электронной почте. И что он на это ответит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.